

Научная статья

УДК 78.031.4(470.40):784.692.5:82-143:82-17

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconv.2024.58.3.07>

Шутейные причитания Пензенской области

Ирина Александровна Матвеева

Пензенский государственный университет

ул. Красная, дом 40, Пенза 440026, Российская Федерация

redkina1983@rambler.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5351-3561>

Аннотация: Русская причетная традиция вызывает неизменный интерес представителей различных научных школ. При этом их основное внимание направлено на изучение свадебных причитаний отдельных регионов России. Плачевые традиции Пензенской области довольно скромно отражены в публикациях, а шутейные причитания и связанные с ними ритуалы и игры и вовсе до настоящего времени не изучались. В связи с этим, предметом нашего исследования являются шутейные причитания в контексте порождающей их обрядовой или игровой ситуации. Основу исследования составили экспедиционные (полевые) материалы из разных районов Пензенской области, которые позволили выявить систему календарных проводов-«похорон» различных персонажей. Кроме этого, элементы похоронной обрядности настолько значимы для местной пензенской традиции, что обнаруживаются и в традиционной свадьбе. Причитания, звучащие в различных ситуациях, проявляют на разных уровнях организации различные свойства. Так, тексты шутейных голошений представляют собой свободную импровизацию, касающуюся внешнего вида и здоровья персонажа и содержащую имитацию физиологического плача. Напевы шутейных причетов близки по ладовой и звуковысотной организации похоронным плачам: устойчивая ладовая конструкция с опорой на большую терцию, несмотря на нестабильную звуковысотность, является определяющим признаком жанра. Кроме этого, впервые зафиксирована групповая форма шутейных плачей, что корректирует сложившееся представление о пензенской причетной традиции.

Ключевые слова: Пензенская область, традиционная культура, фольклор Пензенской области, причитания, шутейные плачи

Для цитирования: Матвеева И. А. Шутейные причитания Пензенской области // Научный вестник Московской консерватории. Том 15. Выпуск 3 (сентябрь 2024). С. 482–499. <https://doi.org/10.26176/mosconv.2024.58.3.07>

ETHNOMUSICOLOGY

Research article

Humorous Lamentations of the Penza Region

Irina A. Matveeva

Penza State University

40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation

redkina1983@rambler.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5351-3561>

Abstract: The Russian lamentation tradition enjoys constant interest from representatives of various scientific schools. At the same time, their main attention is directed to the study of wedding lamentations of individual regions of Russia. The mournful traditions of the Penza region are rather modestly reflected in publications, and humorous lamentations and related

rituals and games have not been studied at all to date. In this regard, the subject of our study is humorous lamentations in the context of the ritual or game situation that generates them. The study is based on expeditionary (field) materials from different areas of the Penza region, which made it possible to identify a system of calendar farewells—"funerals" of various characters. In addition, elements of funeral rites are so significant for the local Penza tradition that they are also found in a traditional wedding. Lamentations sounding in various situations exhibit different properties at different levels of organization. Thus, the texts of humorous lamentations represent a free improvisation concerning the appearance of the character, his health and containing an imitation of physiological crying. The tunes of the humorous laments are close to funeral laments in their modal and pitch organization: a stable modal structure based on a major third despite unstable pitch is a defining feature of the genre. In addition, a group form of humorous laments has been recorded for the first time, which corrects the established idea of the Penza lament tradition.

Keywords: Penza region, traditional culture, folklore of Penza region, lamentations, humorous laments

For citation: Matveeva, Irina A. "Humorous Lamentations of the Penza Region." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 15, no. 3 (September): 482–99. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2024.58.3.07>.

Русская причетная традиция более столетия пользуется неизменным вниманием со стороны различных исследователей и научных школ. При этом основные векторы в изучении связаны с особенностями бытования, определением удельного веса в семейно-бытовых ритуалах и выявлением структурно-типологических особенностей причети внутри конкретных локальных традиций: [11; 23]. Немногие работы посвящены сравнительному анализу внутрижанровых разновидностей причитаний и выявлению общих закономерностей развития жанра на той или иной территории: [2; 9; 10].

Интерес исследователей, разумеется, направлен в первую очередь на изучение свадебных и похоронно-поминальных форм голошений, как наиболее сохранных и получивших широкое распространение на русской этнической территории. В сформировавшемся научном пространстве шутейные причитания и порождающие их обряды символических похорон не привлекают к себе полноценного внимания. Так, в основательном анализе свадебной игры в «покойника» сопутствующие плачи затрагиваются вскользь и практически никак не интерпретируются: [19; 20]. И лишь в нескольких работах рассматриваются проблемы генезиса и формообразования подобного рода причети: [1; 12].

Другой круг проблем связан с локальными традициями, среди которых Пензенская область представляется одной из самых малоизученных. Немногочисленные публикации лишь приоткрывают завесу над особенностями функционирования местной музыкально-этнографической системы: [6; 7; 15; 16; 25; 26]. Причем шутейные похороны и причетные формы, с ними связанные, и вовсе находятся за рамками научных изысканий и носят скорее описательный характер. Так, дореволюционные публикации отвечают требованиям эпохи и представляют собой краткие заметки, лишенные многих важных деталей. В описаниях календарных проводов, похорон и утоплений лишь фиксируется бытование того или иного персонажа и основные действия с ним: [8; 21; 27].

Только расширение масштабов собирательской работы, повлекшее за собой глубокое погружение в традицию того или иного села или местности, привело к появлению досконального описания свадебного обряда (в том числе и игры в «покойника» на второй день) [3]. А систематизация и обработка рукописей Русского географического общества и пензенской дореволюционной периодики позволили Д. К. Зеленину включить материалы из Пензенской губернии в свои исследования: [13; 14]. При этом тексты (и тем более напевы) шутейных причитаний в описаниях календарных и семейно-бытовых обрядов до конца XX века не приводились (в отличие, например, от свадебных причитаний, часто включенных в основной текст повествования): [24; 28].

Впервые развернутый текст и напев плача по Кузьме и Демьяну, сопровождающиеся описанием игровой ситуации, были представлены только в конце XX века в статье Н. Н. Гиляровой [4, 27–28]. Немного позднее единичные голошения по антропоморфным персонажам нашли отражение еще в двух лаконичных работах, которыми и исчерпывается научный подход к жанру шутейных причитаний в Пензенской области: [17; 18].

Подобная ограниченность фактологического материала сформировала устойчивое мнение о том, что игра с «покойником» как часть календарного и свадебного циклов не имеет широкого распространения на территории пензенского края, а также не содержит устойчивых песенных форм, которые позволили бы говорить о монолитности местной традиции. Между тем современные экспедиционные материалы из Лунинского, Никольского, Каменского, Земетчинского и других районов области (записи выполнены автором в период с 2003 по 2023 год) показывают иную картину¹. В частности, отмечается хорошая сохранность обрядовых похорон как в системе календарных обрядов, так и в составе традиционной свадьбы. В связи с этим, предметом нашего исследования являются шутейные причитания в контексте порождающей их обрядовой или игровой ситуации.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что календарные похороны в Пензенской области не ограничены какой-либо одной датой или праздником, но реализуются во все ключевые моменты годового цикла. Так, ритуальные действия, которые завершались сожжением, утоплением, разрыванием или выпроваживанием персонажа или живого человека, выполнялись в пензенских селах на «старый» Новый год (в ночь с 13 на 14 января), Масленицу, Средокрестье (середина Великого Поста), во время весеннего схода снега (в любой день, при появлении первого полноводного ручья), во время зацветания ржи, на троицкое заговенье (воскресенье после Троицы — Духов день²) и в канун или на Кузьминку (14 ноября).

Значимость календарных похорон в местной традиции подчеркивается многообразием форм центрального обрядового символа. Зафиксированы

¹ Все представленные материалы хранятся в личном архиве автора данной статьи.

² В местной пензенской фольклорной традиции Духов день почти повсеместно празднуют в следующее воскресенье после Троицы (это и живые обряды в наше время, и сведения из литературы). Упоминания о том, что этот праздник приходится на понедельник (что соответствует церковному календарю), малочисленны. Еще реже Духов день — это понедельник после Троицкой недели, то есть восьмой день после Троицы.

следующие персонажи, над которыми во время шествия по селу звучали плачи: Костромушка (во время весеннего половодья), Фрося, Горюн, Дуныша, «кукла» (на Духов день), Кузенька (на 14 ноября)³. Территория распространения антропоморфных соломенных, тряпичных и травяных чучел довольно обширна и включает в себя села Пензенского, Никольского, Заметчинского, Малосердобинского, Бессоновского и других районов: *«Были завядные женщины, ани сабирутца вёсну праважат и все за ними идут к лесу. А тут сначала делают куклу из травы, из кустов, глаза из цветов. Надевают на неё адежду детскую, ну, вроде как рибёнка заварачивают, кладут на насилки из ветак, листьев и покрывают маненькой прастыначкай. Насилки эти длинной метр, палтара. На эти насилки кладут куклу и идут с ней по селу. Её несут четыре девки, две впереди, и две сзади. К озеру даходим, к лесу, эту куклу брасаем пад мост, хлыщем её ветками бирёзавыми: “Ухади, весна, прихади к нам ещё с радостью”»* (с. Воскресеновка Пензенского р-на); *«У нас Кастромушки были, маненькие такие. Из саломы делали такую-ту куклу, из страмалота [старого сена. — И. М.]... И вот, бывала, вада-та тикётъ — эта у палаводку-то. И Кастромушку эту провожали: вот пустють её, куклу эту, и она плывёт, эта Кастромушка...»* (с. Ушинка Заметчинского р-на).

Выполняли функции ритуального персонажа и живые люди. Так, на Масленицу, Духов день и Кузьминку одна из девушек или молодых женщин рядилась соответственно в «Масленицу», «русалку» («русаву»), «весну» или «невесту» для соломенного Кузеньки, а также в «покойника»: *«Масленицу провожали — о! Мы берём лавку, на лавку кладётся девка — как Масленицу короняют — девка лягит, ну, вот Настёнка ложилась. Понесут её — поют. Мы стих пели “Лексей божий чиловек”: Я родился в гораде Риме... Девка на лавке лежит, руки сложит [как покойница], когда её накроют чем, когда нет. Несут рибятишки — парни. Её несут по улице ногами вперёд и вот этот стих поют. Разозоруютца да уронют в снег-то! Где какой сугроб побольше — как кинут её! Она в сугробе — кругом один снег-от, вылезай! Она встаёт и опять на лавку ложитца и понесли дальше. Как село обойдут — просто встаёт да и всё. А то скажет: “Я уж мокра, давайте ешишо кто-нибудь”. Меняютца. Кто захочет посмелей...»* (с. Лапшово Камешкирского р-на). Календарный «покойник» отмечается также в Городищенском и Лунинском районах области⁴, причем в одном из лунинских сел проводы «вёсны» с «конём» и «покойником» актуальны и сегодня.

³ Единственным исключением пока представляется празднование «старого» Нового года, которое также отмечено изготовлением соломенного чучела и его сожжением: *«У нас на “старый” Новый год делали саломенну куклу: завязывали её, что б не рассыпалась, делали, как человека и зажигали. Эта кукла адета в какие-та шоболы, на галаве ведро, как шляпа, глаза из углей, нос из маркови. Зажигали в центре села и сейчас это делают»* (с. Старая Каменка Пензенского р-на); *«Чучелу делали — сноп нарядим в шатны, рубашку, боряду из саломы сделаем. Вот, на санки ставим и навезём на всему селу и на канце сажём»* (с. Николаевка Пензенского р-на). Но в связи с явно реликтовой формой ритуала плачи, адресованные с новогоднему персонажу, к настоящему времени не зафиксированы.

⁴ Данный факт не означает отсутствия календарного «покойника» в других районах области. Он указывает только на необходимость проведения дальнейшего исследования и обработки уже имеющихся архивных материалов.

Несомненно, календарным похоронам генетически близка игра в «покойника» на свадьбу, что убедительно доказывается в ряде исследований: [19; 20]. Описание этого действия в пензенских селах, представленное в публикациях разного времени и в современных экспедиционных материалах, практически идентично. Приведем фрагмент из работы Н. Астрова: «И теперь еще не оставлен обычай, прежде считавшийся обязательным, — класть в передний угол покойника. Покойником наряжаются и мужики, и бабы. При входе гостей в избу все находящиеся здесь делают вид, будто у них на самом деле мертвец: кто плачет и причитает над покойником, кто, пожалуй, кадит лаптем, привязанным к оборам, кто просто своей фигурой выражает негодование на входящих: зачем-де идут к нам с таким срамным весельем? В то же время некоторые прядут на гребне зажженую мочку кудели. Какой-нибудь озорник схватит зажженую кудель и бросит в толпу гостей — те с криком шарахаются в стороны и ногами тушат огонь. Сейчас же сообщают пришедшим о постигшем их горе: “умер у нас сватушка!”. Но сватушка не дает много разговаривать, вскакивает с передней лавки и, наряженный в какой-нибудь белый балахон, пускается в пляс» [3, 455].

Несмотря на динамические изменения и трансформацию традиционной культуры в XX веке, пензенская свадебная игра в «покойника» до недавних пор сохраняла весь круг участников: «покойника», «попа» с лаптем вместо кадила, плакальщиц, женщин, выполняющих определенную работу («толкущих» что-либо или прядущих зажженую кудель): *«Когда ярку ищут, невестины сродники придут и у женихова дома встанут, а тут кто с пряслкой прядёт куделю — её падажут и вот она сидит прядёт, кто талчёт чё-нибудь чудное. А в избу заходят — тут “накойник” лежит. Иной раз в дверях положут, иной раз в избе. И батюшкой нарядится кто-нибудь и ходит поёт: “Поп кадит кадилаю, Госпади помилаю”»* (с. Тёпловка Лунинского р-на).

Причем если в работе Н. Н. Гиляровой реализация описанных игровых действий отмечалась в отдельных селах только на второй день свадьбы во время поисков ярки [5, 41], то материалы недавних экспедиций позволяют скорректировать как время выполнения игры и гендерную принадлежность главного персонажа, так и географию распространения. В частности, в ряде населенных пунктов зафиксирована приуроченность игровых действий к первому свадебному дню и моменту приезда жениха в дом невесты. Кроме этого, центральным персонажем мог стать любой состоящий в браке человек — мужчина или женщина любого возраста: *«Жених за невестой приезжает, а ево в избу не пускают и гаварят: “У нас упакойник”. И тут на лавке кто-нибудь ляжет — вот, вроде, упакойник. Шутили так. У нас у старшей снахе атеу — он абязательна лажился “упакойникам”. Над нём плачут па-всякаму, в шутку, слава всяки смешные надбирают: “На каво ты меня макинул...”»* (с. Козловка Лопатинского р-на); *«Упакойник» был. Пришли, значит, мы невесту выкупать. Баба одна легла на лавку, закрылась белой прастыней и падушечку палажила — всё как паложена. Мы прашли, и нам гаварят: “Вы чаво ж пришили? У нас горе. Так и так, вот, памярла невеста”. “Как? Невеста памярла?”. Её будили, конечно, — и толкают, и теребят: нужно ж посмотреть, что за невеста! А тут рядом с этой бабай, с этой “накойницей” дёвки сидят и причитывают»* (с. Низовка Каменского р-на).

Нужно отметить, что женщина в роли «покойника» представляется не таким уж редким явлением — помимо Каменского района подобная гендерная принадлежность персонажа также допустима в Лунинском, Малосердобинском и Пензенском районах: *«А этат “пакойник” – мужик на лавку ляжит. Ево прастыней накроют, или платком белым – вот “пакойник”. Мужик ляжит, а то и баба. Вот лежит ана, паплачут над ней, ана патом и встанет»* (с. Старая Каменка Пензенского р-на).

Но не только наличие «покойника» в женском воплощении указывает на общность календарных похорон и свадебной игры. Еще одним элементом, формирующим местную обрядовую систему, являются шутейные причитания. В календарно-приуроченных ритуалах они присутствуют вне зависимости от сезона и хоронимого персонажа. Так, в шутку «рыдают» на Масленицу и Духов день над девкой (женщиной) в роли «покойника», «плачут» весной над соломенной Костромушкой, «припевают» в весенне-летнее пограничье над Горюном, «орут» над Кузенькой: *«Палаводка када бываить – Кастраму в платье рядили. И Кастромушку ету праважали, идуть и плачуть тах-та:*

*Куда жа мы тяя праважаим-ат...
Куда жа ты ат нас улятаишь...
Харошия ты наша Кастромушка...
И больше мы тяя ни иде ни увидим...
И больше мы тяя ни иде ни услышим...»* (с. Ушинка Земетчинского р-на);

*«Кагда несли Горюна – припевали:
Гарюн ты мой горькай...
Как мне тибя жалка...
Мы с табой свыклись, всю ночь не спали...»* (с. Соловцовка Пензенского р-на) [22, 92];

*«Кузьминку праважали – орали ва всё горла:
Ой, Кузенька, когда ж у тебя лоб сузитца...
Ой, Кузенька, какая ты хорошая была...
Ой, Кузенька, как мне тибя жалка...
Сматри, Кузенька, ты назад ни стань...»* (с. Засечное Пензенского р-на).

Причитания являются обязательным элементом и в свадебной игре с «покойником»: *«Когда и покойникам на столе кто ляжит. Кто вопит, кто дурачитца. Эт шутка такая была. Улягитца мужик какой – мужика клали – накроют ево ещѐ чем-нибудь. А я плакала, отпевала его:*

*Ой, милый ты мой лебидь...
Да што без тибя будет...»* (с. Казачья Пелетьма Лунинского р-на) [18, 62].

Несмотря на то, что календарные похороны и свадебная игра явно отсылают нас к похоронному обряду как к порождающему ритуалу, шутейные причитания на уровне текста существенно отличаются от похоронных. Так, в похоронных и поминальных плачах Пензенской области наблюдается следующие типичные для жанра принципы организации текста: обилие клишированных форм, развитый

сюжет, устойчивое чередование смысловых блоков⁵. В качестве примера приведем причитание «по чужому»⁶, в котором женщина вначале обращается к умершему родственнику с просьбой рассказать о ее горькой судьбе, а затем адресует слова своему ранее скончавшемуся сыну:

*Уходишь ты в сырую землю глыбокыю,
Увидишь ты мая чаду милью,
Он тья встренит, он тья расспросит,
На той ст'ране пра горе горькыя расскажи-к' яму,
И как мы по нём схвателись ды как мы на нём встрипягнулись...
И детка ты мая хорошия, детка,
И прывадить-та я тья прывадила,
А даждать-та я тья ни атколя ни даждуся...
А ты ж мая чада милья, нисколька ты мяня ни пыжалела,
И с тваёю плахой-ту судьбой-т,
Ды всем я уважала, ды всем я угажала...
И как ж' ты сваих мильх деткав а ты их аставил?
И на каво ж ты их, не'пределённых-ат [спакину]...*

(с. Ушинка Земетчинского р-на).

В отличие от похоронных, календарные и свадебные шутейные плачи характеризуются высокой спонтанностью: метафоры, поэтические клише, какое-либо сюжетное развитие практически отсутствуют. Основу причетов составляют обращения к персонажу («и ты мая дырагая; да ты наш ненагляднай; и мильнякый ты мой»), описание его личных качеств («Горюю, у ты ноги не ходют»), рекомендации по улучшению внешнего вида («и надо одеть тебя хорошенкыо, и одежду найти подходящую»), а также высказывания, передающие «горе» участниц ритуала. При этом реплики плачеи нередко контрастны между собой. Например, в плаче над «покойником» на свадьбе текст является свободной импровизацией с характерным резким переходом от горевания («да что ж ты памярла-та») к риторическому вопросу о допустимости брака уже состоящей в нем женщины («да как же ты замуж сабралась»). Необходимо подчеркнуть, что в роли «покойницы» выступает замужняя женщина и, несмотря на символизм ситуации, вопросы плачеи обращены именно к ней. Подобная двойственность, с одной стороны, и абсурдность — с другой, отсылают нас к идее М. Г. Матлина о преобладании смехового начала в данной игре [19, 140].

*Да ты мая дарагая,
Да что ж ты памярла-та,
Да что ж ты ушла-та?*

⁵ Автору работы посчастливилось наблюдать исполнение похоронных и поминальных причитаний в естественных условиях. Так, во время пения одной из плачей другие присутствующие женщины очень внимательно слушали текст плача, одобрительно кивали, если смысловые части исполнялись в установленном традицией порядке. В случае пропуска нужного фрагмента плачею поправляли — напоминали, какие слова она пропустила.

⁶ К категории «чужих» в местной традиции относятся относительно далекие родственники (кузены, супруги братьев или сестер, тети и дяди и т. д.). «Свой» умерший в этом случае кто-либо из близких: сын или дочь, родители, бабушка или дед.

Да и жаних сейчас придёт,
И приданно-та тваё готова...
Да как же ты замуж сабралась,
А ты чё натварила?...» (с. Низовка Каменского р-на).

В некоторых причитаниях и вовсе имеет место высмеивание персонажа («да что ж ты уши-то как розвесил») и выражается явное облегчение, вызванное предстоящей с ним разлукой («я и рада – как мне теперь без тебя легко»). А один из календарных плачей, записанный непосредственно во время реализации «живого» обряда, выражал переживания по поводу возможной простуды женщины-«покойницы», лежащей на холодной земле («ды холодная земля, простынешь, милая моя»).

Отсутствие четкой структуры причетных текстов, ненормированные поэтические строки и, как следствие, варьирование слоговой величины сегментов сближают причеты со спонтанным речевым интонированием. На это также указывает и высокий темп исполнения, и звучание в естественном низком регистре (пример 1).

- 1 Плач над «покойником» (мужчиной) на свадьбе. Село Маровка Иссинского района Пензенской области. Записан в 2013 г. И. А. Матвеевой от А. И. Акимовой 1936 г. р. Нотация И. А. Матвеевой

$\text{♩} = 184$

И ми-лень-кай ты мой... как я те-перь без те-бя бу-ду...

3 Ой, мой род-ной... а с од-ной-то сто-ро-ны я и ра-да...

5 Как мне те-перь без те-бя лёг-ко... все де-ла ты с со-бой у-но-сишь...

7 Ой, ми-лень-кай ты мой... не про-си ты у ме-ня, че-го не-ту...

9 Ой, ка-ка-я роз-лу-ка-то тя-жё-ла... как я те-перь за-бы-вать-то те-бя бу-ду...

11 Ой, ба-тюш-ки све-ты...

Но необходимо отметить существенную деталь: подавляющее большинство шутейных причитаний воспроизводилось по просьбе собирателя вне соответствующего обряда. Немногочисленные образцы, зафиксированные непосредственно в момент реализации календарных похорон, звучали в иной тесситуре. Например, в Казачьей Пелетьме Лунинского района звук причитания в реальных акустических условиях оказался более резким и пронзительным, а рабочими звуками стали *e-f-g* первой октавы. При этом эмоциональный накал подчеркивали и две другие плачи, которые в то же самое время «рыдали слезами» — имитировали естественный плач с характерными громкими возгласами и всхлипываниями (пример 2).

2

Плач над «покойником» (женщиной) на Духов день. Село Казачья Пелетьма Лунинского района Пензенской области. Записан в 2023 г. И. А. Матвеевой, Н. В. Оськиной и др. от А. И. Козициной 1941 г. р. Нотация И. А. Матвеевой

$\text{♩} = 120$

Ой, ми - лы - я мо - я,

2 Да что ж те - бя за - ста - ви - ла у - лечь - ся - та?

3 Ды ха - ло - dna - я зем - ля - та...

4 Пра - сты - нешь, ми - лы - я мо - я... что ж ты де - ла - ишь...

5 Да встань-ты, что ж ты близ-ких не по - жа - ле - ла?

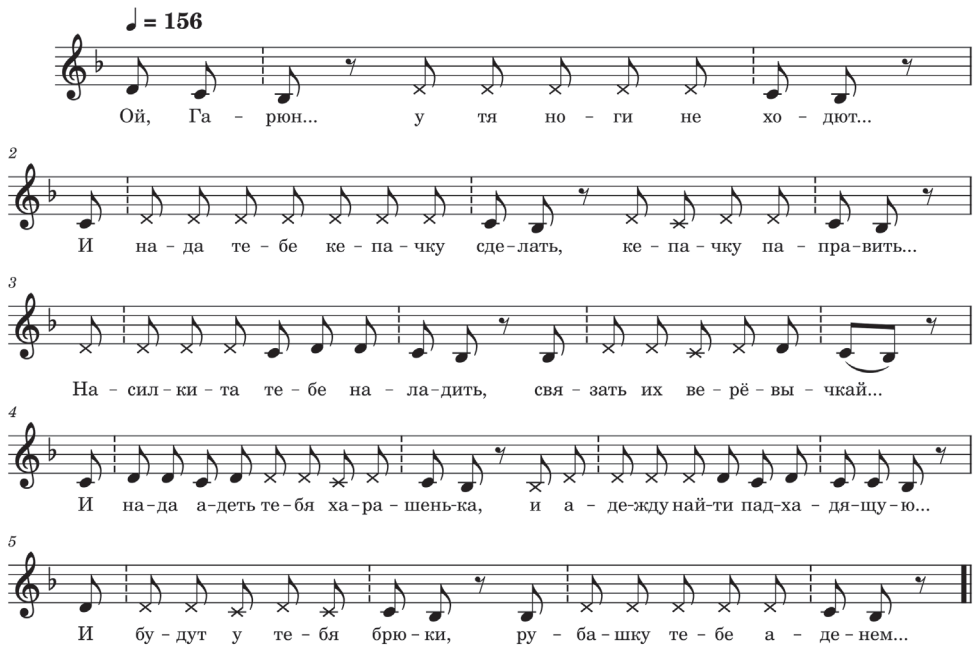
6 Ни о чём ты не ду - ма - ла о пло - хом, и у - лег - лась...

7 Нож-ки тво - и у - ло - жить, а руч-ки - ти вот так по - пра-вить...

Во время похорон Горюна в селе Соловцовка Пензенского района плачи маркировали все значимые этапы: одевание соломенного чучела, возложение готового персонажа на носилки и выход к воротам дома, шествие по улице, встречу с новыми участниками и зрителями обряда и т. д. И если сольный причет во время подбора подходящей одежды представляет собой скорее разговорную форму, чем интонируемое пение (пример 3), то групповой уличный плач опирается на звуки фиксированной высоты, воспроизводящиеся в головном регистре. Кроме этого, данный образец содержит большое число восклицаний и голосовых спадов, за счет которых плачеи повышают тесситуру исполнения, а также множество пауз, во время которых имитируется физиологический плач (пример 4)⁷.

3 Плач над Горюном в процессе одевания на Духов день. Село Соловцово Пензенского района Пензенской области. Записан в 2006 г. И. А. Матвеевой от Г. М. Куряевой 1922 г. р. Нотация И. А. Матвеевой

$\text{♩} = 156$

Ой, Га - рюн... у тя но - ги не хо - дют...

И на - да те - бе ке - па - чку сде - лать, ке - па - чку па - пра - вить...

На - сил - ки - та те - бе на - ла - дить, свя - зать их ве - рё - вы - чкай...

И на - да а - деть те - бя ха - ра - шень - ка, и а - де - жду най - ти пад - ха - дя - щу - ю...

И бу - дут у те - бя брю - ки, ру - ба - шку те - бе а - де - нем...

Аналогичная тенденция изменения звуковысотности наблюдается и при записи плачей непосредственно во время похоронного обряда. Пространные канонические тексты, насыщенные всхлипами и прерываемые естественными рыданиями, позволяют медленно повышать регистр в соответствии с возрастом эмоционального накала. Так, в похоронном плаче из села Ушинка

⁷ Нужно отметить, что до настоящего времени в Пензенской области были известны только групповые формы свадебных плачей [7, 41]. В связи с этим описываемые образцы корректируют сложившееся представление о пензенской причетной традиции.

Земетчинского района после каждой продолжительной паузы плача незначительно повышала строй до тех пор, пока от естественного звучания голоса не достигла пределов своих возможностей (в данном случае это звуки *d-e-fis* второй октавы; пример 5).

4 Плач над Горюном на улице на Духов день. Село Соловцово Пензенского района Пензенской области. Записан в 2006 г. И. А. Матвеевой от Г. М. Куряевой 1922 г. р., А. Д. Акимовой 1915 г. р. Нотация И. А. Матвеевой

Да ты наш не - на - гляд - най... ку - да ты соб - рал - ся...

И да - лё - ка ли мы те - бя про - во - дим...

И по - гля - ди - те, со - се - ду - шки, ды ка - кой Го - рюн... ой...

Ой, Го - рюн...
Ой... ой... Го - рюн ты мой горь - кай... ой, Го - рюн...

И как нам те - бя жал - ко... мы с то - бой свык - лись...

И всю ночь не спа - ли... ой, Го - рюн... до - ро - гой...

И на реч - ку - то мы и - дём... и те - бя там у - то пим

Ой... смо - три ж ты, Го - рюн... не вы - хле - стни на - зад...

5

Плач похоронный. Село Ушинка Земетчинского района Пензенской области.
Записан в 2017 г. А. Ю. Гуриной и И. А. Матвеевой от Т. Г. Лебедевой 1936 г. р.
Нотация И. А. Матвеевой

$\text{♩} = 108$

Ну - ка а всё пра - ва - дю... сва - ю ра - ди - мы - ю ма - му - шку - ту...

3
С пер - вы - ва ды пас - лед - не - ва па - бу - жу... [всхлип]

4
Встань - ка ты, ма - я ра - ди - м'я ма - му - шка... на сва - и ре - вы - я но - жень - ки...

6
Ат - крой - ка ты сва - и яс - н'я гла - зань - ки... рас - крой - ка ты сва - и бе - л'я ру - чень - ки... [всхлип]

8
Ат пер - вы - ва ды пас - лед - ни - ва... са мно - ю па - ба - ить - ка... [всхлип]

Целесообразно привести полный текст причитания, так как нотный пример демонстрирует уже отличные от исходных звуковысотные параметры:

Правдим - та мы тяя, правдим,
А даждать - та мы тяя никак не даждёмся...
И милая ты мая сестрица Машенька... и... [всхлипы]
Прилетика - ка ты, припархника - ка...
Са сваею дальнею старонушки,
Са сваво широк'ва падворыца...
Ды к сваей радим'ю мамушки... [всхлипы, плачет]
И у двара ана тяя встречала...
Ды с радостью прыважала... [всхлипы]
А тяперя я выйду гляну...
На все чатыре старонушки...
Ни кто жа мне не пабаит...
И славечка мне не примолвит...
И никто мяня не встренит...
Горьк'ю несчасную кукушец(ы)ку... [всхлипы, плачет]
Подходит тём'я асенния ноцушка - та...
А выйду к(ы)ругом сваею...
Широкью падворыца - ти...
Абайду и никто мяня ня спросит... [плачет]

Ну-ка а всё правядю...
 Сваю радимью матушку-ту...
 С первыва ды последнева пабужу... [всхлипы]
 Встанька-ка ты, мая радим'я мамушка...
 На сваи резвья ноженьки...
 Аткаройка-ка ты сваи ясн'я глазаньки...
 Раскин'я-ка сваи белые руценки... [всхлипы]
 Ат первыва ды последнива...
 [Приходи] са мной пабаить-ка... [всхлипы, плачет]
 И расскажи-ка ты, мая радим'я мамушка... и...
 Пра сваю а да всё пра смертауку-ту... [плачет]
 И всё-та тваи, любезн'я мамушка,
 Все тваи скорьби и балезни...
 Все ани у тяя прикланились...
 Да и все ани у тяя приспакоились... [плачет]
 А прилети-ка ты, припархни-ка...
 На сваё ты широка падворыца-ту...
 И что (й)ана, твая широка падворыца...
 Ся (й)ана у тяя апустела ды ся ана у тяя асиратела... [плачет]

(с. Ушинка Земетчинского р-на).

Несмотря на регистровую мобильность причитаний (как шутейных, так и похоронных), ладовые структуры остаются неизменными на протяжении всего напева. Так, подавляющее большинство имеющихся в нашем распоряжении плачей воспроизводятся с опорой на мажорный трихорд, который лишь в единичных образцах расширяется снизу (за счет захвата субкварты) или сверху (путем расширения до тетракорда). Справедливым представляется замечание М. С. Альтшулер о том, что мажорный лад никак не противоречит трагичности выражаемых чувств и свидетельствует об архаичности обрядового мелоса [2, 138].

Иные ладовые структуры шутейных причетов представлены единичными образцами. В частности, основанный на минорной терции звукоряд характерен только для рыданий над Костромушкой в Земетчинском районе [17, 19], а нестабильные ладовые системы (с переменным ладовым наклоном) отмечаются в голошениях над Кузенькой в Башмаковском и Пензенском районах [4, 28; 18, 62].

По всей видимости, именно звуковысотные параметры играют главенствующую роль в формировании местного облика шутейных причитаний, который проявляется в «позумзыкальном» типе интонирования (термин Е. Б. Резниченко) [23, 52] с устойчивой каденцией в конце строки. В представленных примерах речитация на одном звуке различных по протяженности поэтических строк почти всегда заканчивается мелодизированным нисходящим движением. Даже несмотря на высокую степень эмоционального накала последние слоги всегда пропеваются и нередко выделяются долготно (примеры 2, 4).

Таким образом, календарные похороны и родственная им свадебная игра в «покойника» в Пензенской области не только получили широкое распространение, но и являются стержневыми для местной музыкально-этнографической системы. В частности, проводные обряды маркируют все периоды

межсезонья, а также иные ключевые моменты сельскохозяйственного календаря (начало таяния снегов или цветения злаков). Об этом же свидетельствует многообразие форм ритуальных персонажей (соломенные, тряпичные или травяные чучела различного размера, живые люди) и способов их ритуального «умерщвления». Но окончательная роль в формировании облика местной традиции принадлежит причитаниям, которые сегодня достаточно сохранены и фиксируются не только в памяти респондентов, но также в реконструкциях и в «живых» ритуалах.

Безусловно, календарные похороны и свадебная игра в «покойника» отсылают нас к похоронам как к порождающему ритуалу, и шутейные причитания Пензенской области на музыкальном уровне подтверждают эту взаимосвязь. Она выражается в терминологии (*плачут, вопят* над хоронимыми персонажами и свадебным «покойником»), в мобильности звуковысотного строя (который неизменно повышается с ходом ритуала), в типовых ладовых конструкциях, основанных на большой терции. При этом уникальным качеством пензенских календарных голошений является наличие групповой формы исполнения, что до настоящего времени не было известно. Последнее обстоятельство указывает на необходимость обработки обширных материалов, накопленных в различных архивах, и осуществление фронтального обследования с целью выявления новых музыкально-этнографических фактов.

Использованная литература

1. *Альциулер М. С.* Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: Дисс... канд. искусствоведения. М.: Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, 2007. 158 с.
2. *Альциулер М. С.* Похоронные причитания хопёрских казаков // Научный вестник Московской консерватории. 2020. № 4. С. 132–145. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2020.43.4.007>.
3. *Астров Н.* Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского у. (Бытовой очерк) // Живая старина. 1905. Вып. 3–4. С. 415–458.
4. *Гилярова Н. Н.* Кузьма и Демьян — «курятники», «кашники», работники // Народное творчество. 1990. № 11. С. 26–29.
5. *Гилярова Н. Н.* Особенности свадебных традиций населения Пензенской области // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 30–50.
6. *Гилярова Н. Н.* Причитания Пензенской земли // Музыковедение. 2004. № 2. С. 33–47.
7. *Гилярова Н. Н.* Песни свадебного обряда Пензенской области (к проблеме региональной стилистики) // Музыковедение. 2010. № 11. С. 16–24.
8. *Горизонтов А.* Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда // Труды Императорского Вольного Экономического общества. Том I. Отделение II: Сельское хозяйство и вспомогательные вещества. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1859. С. 95–159.
9. *Данченкова Н. Ю.* Причетный ареал междуречья Клязьмы и Оки в их среднем течении (Владимирская область) // Картографирование и ареальные исследования в фольклористике. М.: ГМПИ. им. Гнесиных, 1999. С. 147–169. (Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных; вып. 15).

10. *Енговатова М. А.* Плачевая культура Закамья: вопросы региональной специфики // Отечественная этномузыкология: история науки, методы исследования, перспективы развития. Материалы Международной научной конференции, 30 сентября — 3 октября 2010 года. Т. II. СПб.: Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. С. 37–47.
11. *Ефименкова Б. Б.* Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. 64 с.
12. *Зайцева Е. А.* Музыка русского народного календаря в контексте традиционных национальных верований. Автореф. дисс... канд. искусствоведения. М.: Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, 2006. 27 с.
13. *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Вып. 2. Отдел XXVIII: Пензенская губерния. Петроград: Императорское Русское географическое общество, 1915. С. 967–987.
14. *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
15. *Кондратьева Т. Г.* О генезисе литературных источников в традиционном песенном фольклоре Пензенской области // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3–2. С. 531–535.
16. *Кондратьева Т. Г.* Типология народных песен литературного происхождения в контексте музыкального фольклора Пензенской области: Автореф. дисс... канд. искусствоведения. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, 2017. 22 с.
17. *Матвеева И. А., Гурина А. Ю.* Похороны Костромушки в селе Ушинка Земетчинского района Пензенской области // Труды конференции «Покровские дни». 2017. № 8. С. 12–24.
18. *Матвеева И. А.* Праздник святых Кузьмы и Демьяна в Пензенской области // Культура: проблемы теории, истории, практики: Сборник научных статей по материалам V межрегиональной научно-практической конференции. Пенза: изд-во ПГУ, 2022. С. 57–64.
19. *Матлин М. Г.* Свадебная игра в «покойника»: к проблеме генезиса смеховых форм в русской традиционной свадьбе // Сборники конференций НИЦ Социосфера, 2013. № 39. С. 128–142.
20. *Матлин М. Г.* Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве русского села // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 121–133.
21. *Никольский В.* Нравы и обычаи жителей села Владыкина. Обыденная жизнь крестьян // Пензенские Епархиальные ведомости. 1883. № 8. С. 9–20.
22. *Редкина И. А.* Похороны Горюна в с. Соловцовка Пензенского района Пензенской области // Этнография Центрального Черноземья. Вып. 6. Воронеж: Истоки. 2007. С. 91–98.
23. *Резниченко Е. Б.* Причитания восточного Поморья с подвижными звуковысотными параметрами // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 3. С. 48–57.
24. Свадебные обычаи и песни крестьян Саранского уезда (из записок Абр. Р-ва) // Пензенские губернские ведомости. 1864. № 17. С. 101–115.
25. *Тархова А. А., Мальков Н. С.* Село мое, село мое родное. Песни села Канаевки Городищенского района Пензенской области: уч.-метод. пособие. Вып. 1. Пенза: Ростра [и др.], 2006. 412 с.
26. *Тархова А. А.* Традиционная культура русской деревни середины XIX — XX вв. (на материалах Пензенской области). Пенза: Ростра, 2010. 460 с.

27. *Феодосиевский И.* В день Пятидесятницы (против нехристианского обычая «похорон горюна») // Беседы и поучения к простому народу пастырей Пензенской епархии. Приложение к Пензенским Епархиальным Ведомостям за 1890 г. Т. 10. Пенза, 1890. С. 26–28.
28. *Феоктистов П. В.* Обряды крестьян при свадьбах в Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1860. № 5. С. 42–44. № 6. С. 52–55. № 7. С. 59–62. № 8. С. 70–73. № 9. С. 81–84.

Получено: 5 августа 2024 года

Принято к публикации: 29 августа 2024 года

Об авторе:

Ирина Александровна Матвеева — кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры музыки и методики преподавания музыки Пензенского государственного университета

References

1. Al'tshuler, Marina S. 2007. "Russkie pokhoronnye prichitaniya. Vidy, formy, genezis, bytovanie [Russian Funeral Lamentations. Types, Forms, Genesis, Existence]." Ph.D. diss., Tchaikovsky Moscow State Conservatory. (In Russian).
2. Al'tshuler, Marina S. 2020. "Pokhoronnye prichitaniya khoperskikh kazakov [Funeral Lamentations of Khopyor Cossacks]." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 11, no. 4: 132–45. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2020.43.4.007>.
3. Astrov, Nikolay. 1905. "Krest'yanskaya svad'ba v s. Zagoskine Penzenskago uezda (bytovoy ocherk) [Peasant Wedding in the Village of Zagoskino, Penza District (Everyday Life Essay)]." *Zhivaya starina* [Living Antiquity], issue 3–4, 415–58. (In Russian).
4. Gilyarova, Natalia N. 1990. "Kuz'ma i Dem'yan — 'kuryatniki,' 'kashniki,' rabotniki [Kuzma and Demyan — 'Poultrymans,' 'Cooks,' Workers]." *Narodnoye tvorchestvo* [Folk Art], no. 11, 26–29. (In Russian).
5. Gilyarova, Natalia N. 1996. "Osobennosti svadebnykh traditsiy naseleniya Penzenskoy oblasti [Features of Wedding Traditions of the Population of the Penza Region]." *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 2, 30–50. (In Russian).
6. Gilyarova, Natalia N. 2004. "Prichitaniya Penzenskoy zemli [Lamentations of the Penza Land]." *Muzykovedenie* [Musicology], no. 2, 33–47. (In Russian).
7. Gilyarova, Natalia N. 2010. "Pesni svadebnogo obryada Penzenskoy oblasti (k probleme regional'noy stilistiki) [Songs of the Wedding Rite of the Penza Region (to the Problem of Regional Stylistics)]." *Muzykovedenie* [Musicology], no. 11, 16–24. (In Russian).
8. Gorizontov, A. 1859. "Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie Penzenskogo uezda [Economic and Statistical Description of the Penza District]." *Trudy Imperatorskogo Vol'nago Ekonomicheskogo obshchestva* [Works of the Imperial Free Economic Society], vol. 1, section 2: *Sel'skoye khozyaystvo i vspomogatel'nye veshchestva* [Agriculture and Auxiliary Substances], 95–159. (In Russian).
9. Danchenkova, Natalia Yu. 1999. "Prichetnyy areal mezhdurech'ya Klyaz'my i Oki v ikh srednem techenii (Vladimirskaya oblast') [Laments of the Area Between Klyazma and Oka Rivers in Their Middle Reaches (Vladimir Region)]." In *Kartografirovaniye i areal'nye*

- issledovaniya v fol'kloristike* [Mapping and Areal Research in Folklore Studies], collected works, issue 15. Moscow: Gnessin State Musical Pedagogical Institute, 147–69. (In Russian).
10. Engovatova, Margarita A. 2011. “Plachevaya kul'tura Zakam'ya: voprosy regional'noy spetsifiki [Lament Culture of Zakamye: Issues of Regional Specificity].” In *Otechestvennaya etnomuzykologiya: istoriya nauki, metody issledovaniya, perspektivy razvitiya* [Domestic Ethnomusicology: History of Science, Research Methods, Development Prospects], proceedings of the International scientific conference, September 30 — October 3, 2010, vol. 2. St. Petersburg: University Educational District of St. Petersburg and Leningrad Region, 37–47. (In Russian).
 11. Efimenkova, Borislava B. 2008. *Vostochnoslavjanskaya svad'ba i ee muzykal'noe napolnenie: vvedenie v problematiku* [East Slavic Wedding and Its Musical Content: Introduction to the Problematics]. Moscow: Gnessin Russian Academy of Music. (In Russian).
 12. Zaytseva, Elena A. 2006. “Muzyka russkogo narodnogo kalendarya v kontekste traditsionnykh natsional'nykh verovanij [Music of the Russian Folk Calendar in the Context of Traditional National Beliefs].” Extended abstract of Ph.D. diss., Tchaikovsky Moscow State Conservatory. (In Russian).
 13. Zelenin, Dmitriy K. 1915. *Opisaniye rukopisey uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Description of Manuscripts of the Scientific Archive of the Imperial Russian Geographical Society], issue 2, section XXVIII: *Penzenskaya guberniya* [Penza Province]. Petrograd: 967–87. (In Russian).
 14. Zelenin, Dmitriy K. 1995. *Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian Mythology: Those Who Died an Unnatural Death and Mermaids]. Moscow: Indrik. (In Russian).
 15. Kondrat'eva Tat'yana G. 2010. “O genezise literaturnykh istochnikov v traditsionnom pesennom fol'klore Penzenskoy oblasti [On the Genesis of Literary Sources in the Traditional Song Folklore of the Penza Region].” *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 12, no. 3–2: 531–35. (In Russian).
 16. Kondrat'eva, Tat'yana G. 2017. “Tipologiya narodnykh pesen literaturnogo proiskhozhdeniya v kontekste muzykal'nogo fol'klora Penzenskoy oblasti [Typology of Folk Songs of Literary Origin in the Context of the Musical Folklore of the Penza Region].” Extended abstract of Ph.D. diss., Sobinov Saratov State Conservatory. (In Russian).
 17. Matveeva, Irina A., and Anna Yu. Gurina. 2017. “Pokhorony Kostromushki v sele Ushinka Zemetchinskogo rayona Penzenskoy oblasti [Funeral of Kostromushka in the Village of Ushinka, Zemetchinsky District, Penza Region].” *Trudy konferentsii “Pokrovskie dni”* [Proceedings of the conference “Pokrov days”], no. 8, 12–24. (In Russian).
 18. Matveeva, Irina A. 2022. “Prazdnik svyatykh Kuz'my i Dem'yana v Penzenskoy oblasti [Feast of Saints Kosma and Damian in the Penza Region].” In *Kul'tura: problemy teorii, istorii, praktiki* [Culture: Problems of Theory, History, and Practice], proceedings of the 5th interregional scientific and practical conference. Penza: PSU Publishing House, 57–64. (In Russian).
 19. Matlin, Mikhail G. 2013. “Svadebnaya igra v ‘pokoynika’: k probleme genezisa smekhovyykh form v russkoy traditsionnoy svad'be [Wedding Game of the ‘Decedent’: On the Problem of the Genesis of Comic Forms in the Russian Traditional Wedding].” In *Sborniki konferentsiy NITS Sotsiosfera* [Proceedings of the conferences of the Research Center Sociosphere], no. 39, 128–42. (In Russian).
 20. Matlin, Mikhail G. 2014. “Svadebnaya igra v ‘pokoynika’ v prazdnichno-obryadovom prostranstve russkogo sela [Wedding Game of the ‘Decedent’ in the Festive and Ritual

- Space of the Russian Village].” *Izvestiya vysshikh uchenykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [News of the Higher Scientific Institutions. Volga region. Humanitarian Sciences], no. 1, 121–33. (In Russian).
21. Nikol’skiy, V. 1883. “Nravny i obychai zhitel’ey sela Vladykina. Obydennaya zhizn’ krest’yan [Customs and Traditions of the Inhabitants of the Village of Vladykino. Everyday life of Peasants].” *Penzskie eparkhial’nye vedomosti* [Penza Diocesan Gazette], no. 8, 9–20. (In Russian).
 22. Redkina, Irina A. 2007. “Pokhorony Goryuna v s. Solovtsovka Penzenskogo rayona Penzenskoy oblasti [Goryun’s Funeral in the Village of Solovtsovka, Penza District, Penza Region].” *Etnografiya Tsentral’nogo Chernozem’ya* [Ethnography of the Central Black Earth Region], collected researches, issue 6, 91–98. (In Russian).
 23. Reznichenko, Evgeniya B. 2013. “Prichitaniya vostochnogo Pomor’ya s podvizhnymi zvukovysotnymi parametrami [Lamentations of the Eastern Pomorye with Movable Pitch Parameters].” *Voprosy etnomuzykoznaneya* [Issues of Ethnomusicology], no. 3, 48–57. (In Russian).
 24. “Svadebnyye obychai i pesni krest’yan Saranskogo uezda (iz zapisok Abr. R-va) [Wedding Customs and Songs of Peasants of the Saransk District (From the Notes of the Abr. R-va)].” 1864. *Penzskiye gubernskiye vedomosti* [Penza Provincial Gazette], no. 17: 101–15. (In Russian).
 25. Tarkhova, Alla A., and Nikolay S. Malkov. 2006. *Selo moe, selo moe rodnoye. Pesni sela Kanaevki Gorodishchenskogo rayona Penzenskoy oblasti* [My Village, My Native Village. Songs of the Village of Kanaevka, Gorodishchensky District, Penza Region], issue 1. Penza: Rostra [et al.]. (In Russian).
 26. Tarkhova, Alla A. 2010. *Traditsionnaya kul’tura russkoy derevni serediny XIX — XX vv. (na materialakh Penzenskoy oblasti)* [Traditional Culture of the Russian Village in the Mid-19th — 20th Centuries (Based on the Materials from the Penza Region)]. Penza: Rostra. (In Russian).
 27. Feodosievsky, I. 1890. “V den’ Pyatidesyatitsy (protiv nekhristsianskogo obyaya ‘pokhoron goryuna’) [On the Day of Pentecost (Against the Non-Christian Custom of ‘Burying a Mourner’)].” *Besedy i poucheniya k prostomu narodu pastyrey Penzenskoy eparkhii. Prilozheniye k “Penzskim eparkhial’nym vedomostyam” za 1890 g.* [Conversations and Teachings to the Common People of the Pastors of the Penza Diocese. Supplement to “Penza Diocesan Gazette” for 1890], vol. 10, 26–28. (In Russian).
 28. Feoktistov, Pavel V. 1860. *Obyady krest’yan pri svad’bakh v Penzenskoy gubernii* [Peasant Wedding Rites in the Penza Province]. *Penzskiye gubernskiye vedomosti* [Penza Provincial Gazette], no. 5: 42–44, no. 6: 52–55, no. 7: 59–62, no. 8: 70–73, no. 9: 81–84. (In Russian).

Received: August 5, 2024

Accepted: August 29, 2024

Author’s information:

Irina A. Matveeva — *Ph.D.*, Senior Lecturer at the Department of Music and Methods of Teaching Music, Penza State University